

Улицы Маннергейма

В. Д. Сорвин Выдержки из книги.

Когда мы в конечном итоге пробились, как нам сказали, к продолжению самой линии Маннергейма на эту сторону Ладожского озера (на так называемый Ладожско-Онежский перешеек, как иногда говорят), и перед которым мы остановились, нам велели более фундаментально закрепиться. Говорили, что будем готовиться к решительному прорыву этой линии, И мы приступили основательно. Как-то и не верилось — под ногами песок, а не хлюпающее болото. Вокруг редкие молодые сосенки, в ста метрах левее вперед от нас к ним — шоссейная дорога.

Здесь окопы, даже минометный, и землянки мы смогли сделать быстрее, потому что

камней оказалось меньше. Но только стоило в первый же день приехать к нам походной кухне, как по нашему району начала бить артиллерия. Место у них было пристреляно заранее. Огонь вели сразу налетом — на поражение. Лошадь убило, котел продырявило, каша вся наша вытекла на песок, говорили, что как только у развилки дорог недалеко от штаба полка, то есть в километре сзади нас, появлялся автомобиль, тотчас же начинался обстрел и того участка. Все понимали, что где-то сидит вражеский корректировщик. Но где? Как обнаружить? Помог просто случай. Когда через несколько дней к нам на подмогу, но уже для прорыва пришла артиллерия серьезных калибров, и одна батарея около штаба полка стала расчищать себе сектор обстрела, спиливать высокие сосны, в кроне одной из них буквально над штабом полка (так вот почему его не обстреливали!) было обнаружено гнездо этого корректировщика. Там у него и рация, и боеприпасы были, а главное — там располагалась закамуфлированная и хорошо замаскированная площадка из ловко соединяющихся не то трех, не то четырех броневых пластинок, плиток. Даже если обнаружишь, из обычного автомата или винтовки не возьмешь. Вот такие же наверняка были и у старой границы (или погранзаставы).

«Новую» пищу нам тогда привезли уже не по дороге, а каким-то окружным путем. На радость и утешение догнали нас и «наркомовские» сто грамм. В последующие дни нам пару-тройку раз меняли, позицию. Наконец роту перевели на левую сторону дороги, но, хотя и предстояло вновь окапываться, нам это понравилось — ведь артиллеристы врага лупили по площадям где-то совсем близко (однажды насыпали мин чуть сзади нас, разбросав прямым попаданием уже привезенный штабель ящиков с минами). На левой стороне сосны были высокие, но для нас - минометчиков - нашли такую подходящую поляну, что наши мины при вылете не могли задеть за деревья. Определившись, что позиция будет здесь, ротный потащил меня как наводчика первого расчета на опушку рассмотреть возможные цели.

В трех-четыре сотнях метров впереди нас лес заканчивался. На опушке финны устроили солидный завал, который должен был задержать нашу пехоту. Здесь по-тихому уже трудились саперы, проделывая хитрые проходы, чтобы стрелки-автоматчики могли быстро проскочить по ним, видимо, как-то наискосок, и чтобы финны при этом не смогли эти проходы-лазейки заранее углядеть... Дальше шел пологий спуск к речонке Рамен-Оя, за которой более круто поднимался вражеский берег. Среди редких деревьев и кустиков затаилась злополучная линия, даже в бинокль нельзя было углядеть ничего подозрительного. Каменистый пейзаж, где-то травка, где-то небольшие зеленые веточки. Командиры говорили, что это все маскировка, а на деле вся эта горушка из железобетона и чего только стреляющего в ней ни запрятано. Но где же их амбразуры? Ведь не может же это «стреляющее» вести огонь сквозь бетон...

Слыхивали мы когда-то про крепости, но здесь... Ни тебе грозного высоченного вала, как в Измаиле, ни стен, как у Бастилии, ни фортов, ни бастионов, как у Петропавловской крепости. Тем не менее, здесь на самом деле была упрятана современная, трудно уязвимая крепость, синтез чудо-достижений фортификационной мысли. Говорили, что ее казематы уходили этажами под землю. Артиллерия разных калибров и систем могла вести огонь и из глубины, и с позиций за сто метров, и в сотнях метрах от передовой.

Далее по железной дороге параллельно фронту ходил бронепоезд. Не углядев ничего необычного, мы скоро вернулись на свою полянку.

Уж мы, расчеты, постарались зарыться, закопаться. Здесь было почему-то копать

труднее, чем справа, но легче, чем на Железной Горе. Опыт Железной Горы пригодился. Натолкнувшись на валун, не искали мест помягче, а сразу принимались его окапывать по сторонам, да выворачивать. «А, — приговаривали, — старый знакомый! Теперь не обманешь, иди-ка на бруствер». Даже, казалось, радовались, — зарываемся-то в твердую сухую почву и, похоже, обживаемся. В первую очередь приготовили круглый, как какая-то громадная трехметрового диаметра кастрюля, окоп для миномета. Правда, изначально не получился в полный рост. Все-таки было тяжеловато. И вот — впервые за все наступление — сделали земляночку для самого расчета. Она, к сожалению, не получилась глубокой (уж как удалось докопать', пока достаточно светло), но зато накрыли в три наката. А наверх еще вывернутых нами навалили булыжников. Затискивались, правда, как шпроты в банку. На другой день, уже без всяких команд ротного, стали углублять минометный окоп, поскольку артиллеристы врага обрабатывали то один участок, то другой. Их артналеты были внезапными, как тогда на нашу кашу. Все места у них были пристреляны заранее, подготовлены. Изначально они знали, с какими прицелами, зарядами, установками поражать ту или иную площадь, тот или иной участок. Ротный указал местечко, где ему готовить землянку, сбоку около сосен. Ему сверху дали задание пристрелять какие-то участки на той стороне (Ого — здорово — значит, что-то нашим о том берегу известно). Он установил вешки, по которым наводчикам надо будет прицеливаться. Что-то рассчитал и с Колей Сухаревым, командиром ячейки управления, ушел на опушку Связист, тоже Коля, но Блохин, побежал за ними с катушкой провода, потянул связь, Мины привезли — значит, будет работа. И точно. Вскоре ротный передал команду. Сделали пристрелку. И чувствовалось, что он не очень-то скупился, расходуя мины. Мин подвезли еще. Сложили чуть поодаль, в соснах, целым штабелем.

Разведка боем

Можно было предположить, что и враг что-то готовит серьезное, И вдруг буквально земля закачалась. Вал бешеного огня обрушился на наш передний край. Оказалось, что это в разведку боем для выявления огневых точек врага пошла первая рота. Рота второго батальона тоже. И что и требовалось — враг раскрывал себя, огонь врага доказывал: он поверил, что мы пошли на прорыв.

Мой друг Борис Иванчук, автоматчик из первой роты, участвуя в этой разведке боем, добежал с автоматом в руках почти до самого берега этой злополучной речонки Рамен-Оя, за которой и начинается та самая линия.

Враг поверил, что это реальный штурм, что это все всерьез. Била какая-то артиллерия и крупные минометы из-за горы, стреляло множество действительно неведь откуда взявшихся огневых точек с того склона берега, что был обращен в нашу сторону. Между реденькими кустиками и соснами, казалось, все мелькало, выплескивая потоки смертоносного металла.

Борис с двумя друзьями попал под такой шквальный огонь, что они уцелели, лишь укрывшись в подвернувшейся под ноги крупной воронке. Дождались ночи, хотя в августе здесь ночи весьма светлые.

Изредка оглядываясь назад, присмотрели метрах в сорока еще одну приличных размеров воронку. Решили — надо двигаться одновременно и броском. Но едва выскочили, оказалось, что их прыжка как раз и ждали. Загрохотало, затрещало все

вокруг. Создалось впечатление, что в команду их основных преследователей — пулеметчиков — включились снайперы. Один из их троицы пал на первом десятке шагов. Вдвоем нырнули в воронку. Она мельче предыдущей, но успокаивало то, что она дальше от стреляющих.

Второму за эти сорок метров прострелили руку. В маленькую воронку втиснулись. Вжались в землю. Враг не сразу успокоился, потеряв их из виду. Руку другу перевязали. Днем район их воронки не раз осыпали внезапными артналетами. Но они затаились, хотя очень непросто удержаться, не вскочить, не попытаться перебежать куда-то, когда слышишь полет мины и слышишь, как этот звук над тобой будто бы захлебывается, а через секунду где-то рядом взрыв...

На третью ночь повезло — начался дождь, видимость ухудшилась, но решили зря не рисковать и дальше вверх, к нашим позициям продвигаться ползком. Вдруг наши снаряды стали рваться на том берегу. Но уж коли решили ползком — значит ползком. Только огонь «по ним» придал бодрости. А уж есть как хотелось!

Ползли. Добрались до завалов, которые финны устроили заранее здесь на опушке, но в которых теперь мы по-тихому выкопали передовые окопы и проделали кое-где проходы. «Ребята, мы свои», - еще никого не видя, но помня, что где-то здесь должны быть передовые посты, громким шепотом, прижавшись к земле, произнес Борис, опасаясь, как бы случайно кто-нибудь да не нажал курок при звуках шороха. «Эй, "свои", сколько вас и кто вы?» — донеслась русская речь спереди слева, совсем близко от земли. «Нас двое из роты Алуферова — Иванчук и Тригубенко». «Иванчук вперед, второй на месте, автомат затвором вперед», — скомандовал голос. Разобрались и со вторым. Завели за двадцать шагов вглубь леса. Оказались на позициях четвертой роты второго батальона. Те как-то с недоверием восприняли объяснения, что Борис и его друг возвращаются после позавчерашней разведки боем, но чуть ли не целым взводом сопроводили за сто метров к позициям первой роты. Тут был совсем другой прием: «Борька! Живой! И ты, Василь?! А ну быстро к ротному!». Капитан Алуферов всплеснул руками: «Иванчук! Да вас двое? Живы! Прекрасно. А есть кто еще?» Рассказали о третьем.

Он хотел еще расспросить, но сразу спохватился: «Вы же, поди, голодные?» Да вдруг оборвал себя: «А ведь тебя включили в списки погибших. А ну беги сам в штаб полка - может, удастся перехватить отправку домой похоронки. Побежал. Но штаб не рота, он своих позиций не менял, уже наладил четкую работу — ведь не на колесах. Похоронки уже ушли, так что Борису осталось только побежать на полевую почту и упротить принять треугольничек маме: «МАМА! Не верь похоронке. Произошла ошибка. Я живой!» Отдал сразу, чтобы его письмо скорее сняло тот ужас, который может испытать мама, получив страшную официальную бумагу. А ведь это было второе подобное сообщение с этого фронта.

Еще в Олонце сосед Бориса по двору, тоже служивший с ним в первой роте, видел, оставаясь сам на левом берегу Олонки, как Борис и еще кто-то забежал на том берегу в сарай. И видел, как некоторое время спустя во время вражеской контратаки кто-то выбежал из ворот сарая и был в упор расстрелян финнами. Сам сосед был ранен в Олонце и из санбата написал своей матери домой, что, дескать, будь с Борькиной мамой поаккуратнее — я, мол, видел, как его финны убили... Так бедного Бориса дважды похоронили за одно лето. А каково было бы маме это дважды воспринять, пережить... К счастью, в первом случае мать соседа по двору не торопилась, а мать Бориса получила письмо от него с сообщением, что за бой в Олонце он получил награду —

орден Красной Звезды, и раньше поделилась с ней этой вестью. Он тогда во время вражеской контратаки сумел укрыться в сарае, и, хотя финны пустили очередь в ворота сарая, пробегая мимо него, Бориса не задела. А когда они установили поблизости пулемет, чтобы обстреливать и без того сложную нашу переправу, он гранатой уничтожил пулемет и перестрелял оказавшихся рядом финнов. И это видели с нашего берега и ротный, и комбат.

Как же поддерживало фронтовиков сознание того, что их ждут дома, вера в то, что они нужны и стране, и ближним, которые за них переживают, молятся за них. Мне сестренка рассказывала, что когда фронтовой треугольничек доставляли не с утренней, а с дневной почтой, она его по приходу из школы вынимала из почтового ящика и тот час же звонила маме, и та прибегала буквально бегом. Мы жили на территории завода, в полусотне метров от заводууправления, где в плановом отделе мама работала.

Прочитает, потом перечитает. Радости этой и счастья — ведь живой — хватает на каких-то двадцать минут. Потом уже снова мысли: письмо-то шло сколько дней, а сын все еще там, на фронте, и там по-прежнему стреляют и бомбят. И наш брат пытался это учитывать, как можно чаще писал свои сообщения, главный смысл которых был не в том, какие пункты мы освободили и где кто-то проявил доблесть, а в том, что автор письма жив, родных не забывает и всем доволен. Как писал близкий мой однополчанин, из нашего взвода гвардии сержант Николай Солдатов — «ни в чем не нуждаюсь».

Возможность сфотографироваться в те времена бывала редкостью. Посмотрите и сами убедитесь — многие фотографии армейских тех лет сделаны для мам. Сравните, вот Александр Милюков: грудь колесом, взгляд орлиный. Это снимок для знакомой девушки. Смотри, мол, какой герой тебя любит (у него, ленинградца, тогда уже не было родителей в живых). А вот фото Александра Белкина: смотрит в объектив и улыбается, как бы говорит: «Мама, я живой и довольный, не переживай, все в порядке». Как здесь не сказать о неразрывной, кровной, духовной и душевной связи фронта и тыла?

Нет таких крепостей...

Тем временем для подавления мощных железобетонных укреплений врага привезли орудия больших калибров. Их устанавливали на закрытые позиции неподалеку от нас, с таким расчетом, чтобы в нужный момент, спилив по-быстрому два-три дерева, пушкари смогли стрелять по нужным целям на том берегу прямой наводкой. Вывозили их тягачи. А чтобы финны этих тягачей не слышали, мы открывали огонь, беглую стрельбу по заранее намеченным целям. Ротному указали как раз ряд целей, и мы пристреляли их. Так что, едва поступала команда, как мы быстро открывали огонь, и не просто так — для шума, а с пользой — по конкретным целям.

203-миллиметровые гаубицы 105-й Краснознаменной артиллерийской бригады 7-й арт-дивизии прорыва смогли, стреляя на расстоянии, пробить огромные дыры в шандорных затворах плотины Свирской ГЭС, чтобы заблаговременно спустить часть накопленной в водохранилище воды и исключить возможность для финнов открыть шандоры в момент форсирования, когда вода могла бы хлынуть и захлестнуть средства нашей переправы. А здесь, ведя огонь с очень близкой дистанции — почти в упор, только эти, известные, к примеру, мне артсредства, смогли бы превратить в пыль их хваленые бастионы. А ведь включились бы «в работу» орудия и других калибров.